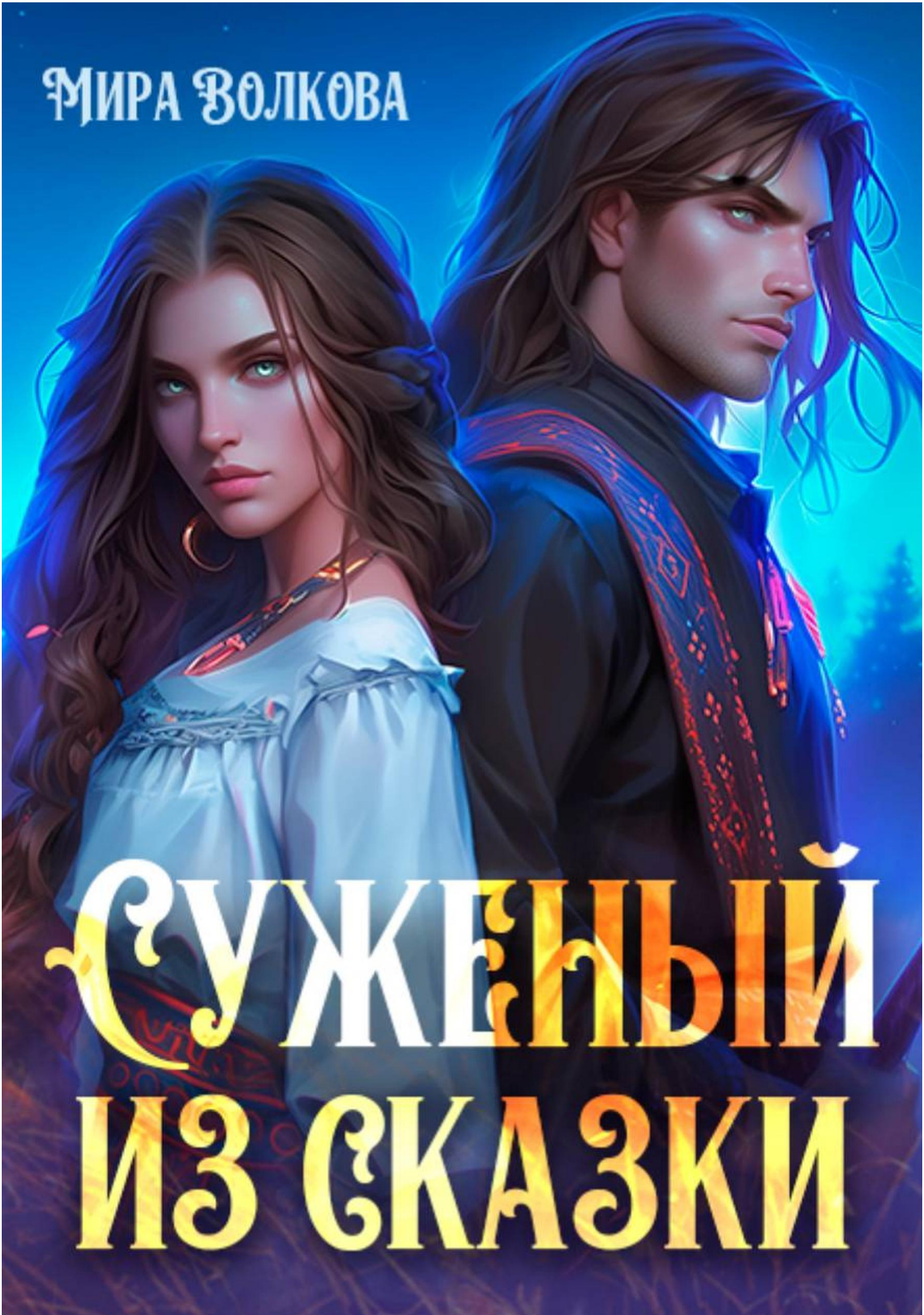

Мира Волкова
Суженый
из сказки

Мира Волкова

Суженый из сказки

«Автор»
2026

Волкова М.

Суженый из сказки / М. Волкова — «Автор», 2026

Сказки это вам не милые принцы, иногда очень даже суровые княжи. И Кощей, знаете ли, не очень гостеприимный хозяин. Если бы был у меня выбор, я, быть может, ни за что не пускала этот венок в реку. Да что там! Я бы и рядом с этой рекой не стояла! А теперь что? Держи стрелу и отчитывайся перед суженным!

© Волкова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Мира Волкова
Суженый из сказки

Глава 1

– Яра! – окрик сестры заставил встрепенуться. – Поторопись!

Взглянув на уходящую стайку девушек, я еле успела кивнуть сестре, а потом вернула взгляд к своему венку – или точнее, к его подобию.

Не знаю почему и матери, и сестре захотелось отправиться на эти гуляния Купалы. Это казалось каким-то странным отголоском прошлого. Хороводы вокруг костра, бесконечные песни на балалайках, которые я видела до этого разве что на картинках, да еще и эти плетения венков… И где только мать нашла то объявление? Я покосилась на пылающие языки костра и в очередной раз не смогла сдержать вздох разочарования.

Эта поездка стала для меня неожиданной. Вечеринка выпадала на наши первые совместные выходные, и мать так давно не видела сестру из-за ее долгой командировки, что если бы я отказала, то расстроила бы обеих. Будто все знаки свыше указывали нам отправиться в путь, но теперь я чувствовала себя ужасно чужой на этом празднике жизни, который еще и должен был продолжаться всю ночь.

Дома меня ждали отчёты, которые ещё следует довести до ума. Повышение, которого я пыталась добиться вот уже год, могло отправиться в лапы нерасторопному племяннику моего начальника. А я чем занимаюсь?

Плету венок. Или в моем случае, пытаюсь плести.

Мне же больше нечего делать.

Тяжко вздохнув, я пригладила осторожно ромашки, которые, казалось, желали сбежать из венка всеми возможными способами. Не могла их винить, сама сбежала бы, будь у меня такая возможность.

Я поднялась с поваленного бревна и поплелась к реке, стараясь не обращать внимания на двух парней, посмотревших мне вслед. И чего я задаюсь вопросом, что мы тут забыли?

План мамы найти на таких гуляниях мне жениха срабатывал лишь частично. До сих пор мне вполне удавалось избегать излишнего внимания со стороны парней. Им обычно хватало строгого "Не знакомлюсь", чтобы умерить свой пыл, а вот матери приходилось все время повторять, что нет времени, не хочу, да и в принципе – не заставите. У сестры вон есть ухажер, вот её замуж и выдавай.

Группа девушек впереди уже стояли на берегу реки и весело щебетали, моя сестра рядом с ними выделялась в своем красном платье, на голове даже был кокошный ободок. Мира купила его специально для этих гуляний. Девушки уже зажигали свечи, чтобы пустить свои венки в воду.

Я нахмурилась, не обнаружив мать рядом с ними, и успокоилась, лишь когда разглядела ее фигуру чуть дальше у кромки леса. Она снова собирала какие-то травы. И что она видела в этой тьме? Ни немногочисленные фонарики на солнечных батареях, которыми организаторы утыкали пространство вдоль реки и нашей поляны, ни отблески костра уже не могли достаточно освещать поляну с цветами.

– Яра, наконец-то! – Мира подбежала ко мне и потянула ближе к берегу. – Чего ты копаешься? Давай пускай венок!

Я чувствовала себя ужасно неловко. В стиле Миры были все эти гадания. Мне же хотелось скорее с этим покончить и пойти назад к костру и погреться, раз в квартиру путь заказан. Но обижать сестру опять-таки не хотелось.

Мира подтолкнула меня в спину, и я со вздохом поплелась к берегу. Земля была слишком мягкой, словно бархат, и я нахмурилась, приближаяс к воде. В полумраке блики от свечей на водной глади почему-то пугали. Будто под этой толщей воды что-то скрывалось. Тряхнув головой, я присела и осторожно опустила венок в воду, слегка подталкивая его вперёд.

Чем быстрее я все сделаю, тем быстрее вернусь к костру. Надеюсь, сестра не захочет еще купаться или хотя бы меня за собой не потащит.

– О, Мира, гляди! – услышала я сзади возглас одной из девушек, – твой же к берегу приплыл!

– Свадьба, свадьба! – захлопала другая в ладоши, радуясь так, будто сама замуж выходит.

Я же хмуро смотрела на свой венок, который как сумасшедший поплыл вовсе не по течению… а к другому берегу. Что за чертовщина? Что с течением? Почему мой слабый венок не потонул вообще?

– Точно выйдешь замуж в этом году, – хлопали девушки, поздравляя мою сестру.

– Ну, как вы тут? – услышала я хрипловатый голос подошедшей матери, смотря, как мое творение уже причалило напротив.

– Венок Миры единственный, который к берегу приплыл, – заволновались снова девушки.

К берегу?

Я огляделась и увидела, что один венок действительно вернулся к нашему берегу, зацепившись за поваленную корягу. И ошарашенно перевела взгляд к своему вдалеке.

К берегу, это что… к свадьбе?

Не к добру это. Вообще не к добру.

– Поздравляю, дочка. – ласковый голос матери так и искрился счастьем.

Если мама увидит вот такие знаки судьбы про меня, то весь год снова будет таскать меня в гости к подругам. У которых совсем случайно окажутся сыновья, племянники, да даже внуки. Главное, чтоб свободные и неженатые.

Плавали, знаем! Мне одного гадания на кофейной гуще от тети Шуры хватило. Но там благо она полгода срок назвала, а тут? Год мучиться?

– А твой что, Яра? – заинтересовалась мама.

Я обернулась на нее, и скривилась, заметив, как девушки стали всматриваться в речку в тусклом свете, желая помочь с поиском. Но на свой-то венок я свечу не прицепила, и видимо этим только себя пока спасла.

Повернувшись к реке, я вдохнула и чуть было не зашептала: венок, веночек, дорогой, а плыви назад, а? Сдался тебе тот берег!

Я потянула руки, и неожиданный ветерок, коснувшийся моих ладоней, устремился в сторону венка… и тот поплыл!

Оттолкнулся от берега и поплыл! Будто и правда поверил, что не нужно мне все это замужество и пляски с бубном на званых вечерах с маман.

– Ну, ещё немного, – прошептала я и сделала шаг вперёд, протягивая руки.

А ещё лучше, потони, дорогой, чтоб наверняка нас с тобой не трогали.

– Яра! – окрик Миры я услышала, когда, уже почувствовав, что оступаюсь на скользкой земле прямо в воду.

Еле успеваю зажмуриться и хватануть воздуха, перед тем как кубарем свалиться в воду.

В момент, когда ухожу в воду с головой, у меня мелькает мысль, что это странно: на моих глазах парни заходили в реку на этом берегу, и в самом начале им всем было лишь по щиколотку…

Вода ледяная, будто этой реке все равно, что на дворе знойное лето. Замахав руками, я пытаюсь всплыть, но течение начинает уносить меня, и будто что-то сильное тянет на самое

дно. Я чувствую, как по ногам бьются камыши и коряги, которых не было на нашем берегу. И как сумасшедшая пытаюсь выплыть наружу.

Пока наконец, течение не отпускает.

По наитию плыву, и тут в плечо резко что-то врезается. Боль адская, и я вскрикиваю, хлебнув воды в рот. Машу здоровой рукой, потому как левой теперь не то, что плыть, а даже просто двигать ею больно.

Ну, вот и все, что ли? Я что так просто… тут погибну? Пустила венок на свою судьбу, называется….

Чьи-то крепкие и твердые руки резко подхватывают меня и вытаскивают наружу, а я кашляю, пытаясь выплюнуть всю воду из легких.

В глазах двоится, и я зажмуриваюсь, пытаясь прийти в себя. Дотронувшись до больного места, я нащупываю обработанную ветвь… торчащую чуть выше моего локтя.

Что…

Перевожу взгляд на мужчину, что держит меня, стоя по пояс в воде. Каштановые пряди, темные от воды, выбились из хвоста и прилипли к его вискам и скулам. Наклонив ко мне голову, я сглотнула, сталкиваясь с ним взглядом. Слишком синий, слишком чистый взгляд, от которого невозможно было отвернуться. В этих глазах будто не было ни дна, ни края, только одна сплошная глубина. Я машинально вцепилась здоровой рукой в ткань его белой рубахи, чувствуя под ладонями простую и грубую ткань. У самого ворота рубахи, будто каплями крови алели вышитые старинные символы. В голове пронеслись слова матери, говорившей о оберегах. Я сглотнула, посмотрев за его спину, где только сейчас заметила лук. Настоящий лук!

Он что… стрелял в меня?!

– Вы совсем сдурели стрелять в людей?! – закричала я, хлопнув по нему ладонью, и тут же скривилась от боли.

Он поднял свою бровь, оглядывая мою промокшую фигурку и никак не обращая внимания на мои стенания, развернулся и просто понес к берегу.

Я было испугалась, что сумасшедший парень что-то натворит с моими родными, но… берег был пустым.

А где сестра с матерью? И почему снова… закат? Мужчина просто усадил меня на сухое бревно у самого берега и повернулся ко мне спиной, будто собирался уходить.

– А… – прошептала я, понимая, что это совсем не то, место, где мы отдыхали, и повернулась снова к мужчине, – где мы?

Глава 2

Такая густая и всепоглощающая тишина ударила по ушам, что от нее все зазвенело внутри. Я с удивлением и нарастающим ужасом оглядывала незнакомый берег.

Воздух был холодным, влажным и… чужим, вокруг больше не было запахов дыма от костра, собранных трав и запекшейся еды, нет, здесь пахло сырой землей, гниющими водорослями у кромки воды, смолой и прелой хвоей. Этих запахов было слишком много, они витали и будто соревновались друг с другом, кто победит.

Впереди меня поднималась самая настоящая стена из хвойного леса, непроходимого, темного и безмолвного. Стволы деревьев, тесно растущие рядом друг с другом, подобно частоколу, уходили в непроглядный мрак. Внутри закралось чувство, что оттуда на меня кто-то смотрит и я быстро отвернулась.

Словно в насмешку где-то в темной воды у берега плеснулась рыба и звуки… Вернулись, разрывая тишину на клочки, делая ее еще более зловещей. За спиной раздавалось монотонное кваканье. Надрывный, пронзительный стрекот цикад пилил сознание.

Тут не было приглушенных голосов, не было звуков мелодий балалайки…

Внутри все похолодело ещё сильнее, будто ледяная вода заполнила меня изнутри. Этот берег был чужим, первобытным, дышащим грозой и сыростью.

– Эй! – окрикнула я мужчину, севшего на каменный валун как ни в чем не бывало и снимающего с себя мокрую рубашку, – Ты же тоже с гуляний Купалы? Где все? Нас унесло течением?

Мозг отказывался принимать, что лес был совсем другой. Что даже река казалась куда чище, а ее течение тише. У всего есть объяснение. Нас унесло. И теперь надо найти всю группу. Ведь там мама с сестрой себе места не находят.

Его взгляд скользнул по мне, но задержался не на моем лице, а на раненом плече. Мои пальцы впились в кожу, сжимая ее в тщетной попытке остановить боль. Глупый инстинкт – будто от этого давления стрела, пронзившая мышцы насквозь, могла исчезнуть, растаять как дым. Она никуда не делась, а каждый пульсирующий удар моего сердца отзывался в ране жгучим огнем.

Но даже эта боль была лишь фоном, по сравнению с острой и холодной паникой, что поднималась из самого нутра, сжимая горло. Но пока мне удавалось оттолкнуть ее, закопать глубже снова и сосредоточиться на его глазах, в ожидании ответа на свой вопрос.

– Купала? – проговорил он хмуро хриплым, будто осипшим голосом, разрывая ткань рубахи.

– Ну, да, – я сделала шаг к нему, боясь теперь стоять слишком близко к берегу.

– Купала будет лишь через две недели, – проговорил он.

Поднимаясь, он оставил рубаху на камне, взял лишь от неё длинный лоскут и направился прямо ко мне.

– Эй, что ты?! – вырвалось у меня, я вся зарделась, чувствуя, как жар стучит в висках.

Взгляд метнулся по сторонам, выискивая малейшую лазейку для бегства, но я не успела даже дернуться. Он буквально возник передо мной внезапно и бесшумно, как тень перекрывая собой закатное небо.

– Не двигайся, – его голос был низким, не терпящим никаких возражений.

Его твердые и холодные пальцы сомкнулись вокруг моей раненой руки выше локтя. Боль на секунду, притупившаяся от адреналина, рванула с новой, ослепляющей силой.

Я в ужасе взглянула ему в лицо. Лучи заходящего солнца играли в его глазах, но не согревали их. Не успел мой мозг до конца осознать его намерение, как тело тут же попыталось вырваться, почти нанося удар корпусом.

Но он действовал с пугающей, отточенной быстротой. Последовал сухой, короткий хруст – он сломал древко стрелы и наконечник с легким стуком упал в траву у наших ног. А затем прежде, чем я успела вдохнуть, он резким и безжалостным движением выдернул из моей руки перьевой конец. Мир на мгновение пропал, сменившись белой, обжигающей вспышкой боли. Я, сдавленно охнув, согнулась пополам, ладонью вжимаясь в рану. Будто еще были шансы закрыть ее и не испытывать больше такой подставы от единственного здесь живого человека.

– Псих! Что ты себе позволяешь? – прошипела я, с трудом выпрямляясь и глядя на него, сквозь пелену выступивших от боли слез. – Ты не в курсе, что нельзя такие раны трогать?

Мои слова будто разбивались о его каменное спокойствие. Ему было абсолютно все равно на мои стенания. Вместо тени сожаления или даже простого человеческого сочувствия и участия, он лишь наклонился, подобрав с земли сломанную стрелу с ее окровавленным наконечником и аккуратно вернул ее в свой колчан со стрелами. Будто она была ценным трофеем.

– Я же сказал, не двигайся, – проворчал уставшим тоном этот мужлан. – Потому и больнее было.

– Куда еще больнее, изверг?! – возмутилась я, подрываясь во весь рост и хлопнув его по оголённой груди здоровой рукой. – Мало того, что стрелять не умеешь, так еще и не знаешь азы первой помощи?

Но его не тронули ни мои крики, ни удары, он даже не смотрел мне в лицо, протянув снова свои лапы к моей ране.

– Даже не смей! – я закрыла ладонью рану.

– Надо перевязать, – он поднял к моим глазам мокрый лоскут от своей рубахи.

Я покосилась на мокрую ткань, от которой пахло песком и водорослями, и перевела взгляд на его непроницаемое лицо. Мысль о том, чтобы прижать эту грязную ветошь к открытой ране, вызывало, мягко говоря, панику, куда более сильную, чем боль.

Это же прямой путь к заражению! В моей голове сами собой всплыли картинки из биологии: коккобацилы, стафилококки, и различные ужасы, названия которых я благо забыла, но вот изображения, отчего-то нет. Интуиция прямо кричала, что все эти страсти точно уже поселились в этой тряпке и будут рады новому переезду.

– Ты хоть знаешь, сколько там микробов? – выдохнула я и мой голос прозвучал излишне слабо.

Будто я и вправду объясняла что-то неразумному ребенку, а не громиле с луком. Я смотрела на него, пытаясь найти в его холодных глазах понимание, тень сомнения в его же абсурдной идее. Но видела лишь непоколебимую уверенность.

Боже, да он вообще не от мира сего!

– Микро…?

– Микробы, боже. – я закатила глаза, уже не в силах сдерживать свою досаду. – Да с какого села ты вылез?

– Это я хочу у тебя вызнать. – сурово проговорил он, обхватывая мой подбородок пальцами и заставляя смотреть прямо ему в глаза. – С каких земель ты прибыла, соглядатая?

Я хмуро оглядела этого мужлана, и мне вот его рука на моем подбородке никак не помешала всем видом показать всю степень моего презрения. Нет, ну, надо же, а?

Меня тут ранили, я, может, еле спаслась из этой речки, а он еще и обзывается!

– Слушай, ты, – прошипела я, но он перебил меня.

– Княжич Троян.

И плечи так расправил, будто похвалился, а не конем себя обозвал.

– По тебе очень видно, – буркнула я, – а теперь будь добр, отпусти и пойдем уже к костру. Меня там ждут и беспокоятся.

Он сощурился и вновь оглядел меня как будто здесь из нас двоих была странной именно я. Но вдруг хватка его ослабла, не успела я и сделать шага назад, отшатываясь в густую траву,

как он обхватил мою руку своей лапищей! Грубый, мокрый лоскут с резким запахом речной воды туго обхватил рану, и от ее холода по коже вокруг раны пробежались мурашки.

– Эй! – возмутилась я и зашипела от внезапной и пронзающей боли, когда он с силой затянул узел, заставляя ткань врезаться в кожу.

– Пошли, посмотрим у какого костра тебя ждут, – проговорил он.

Обойдя меня, он поднял с земли колчан, отряхивая того от песка и земли, и забрал разорванную рубаху с валуна. Направляясь в сторону течения реки…

– Нам же, наоборот, нужно, – непонимающе указала я рукой в противоположную сторону, откуда мы могли бы приплыть. – Мы так еще дальше от людей уйдем.

Он остановился, застыл на мгновенье, а затем резко обернулся. Его лицо, освещенное последними багровыми лучами заката, исказила колкая усмешка.

– Я не знаю, откуда ты пришла, дикая, – протянул он, – но княжество впереди. Что, соглядатая, попробуешь выйти замуж за княжича или все же вернешься ни с чем к своему хозяину?

От его слов внутри все перевернулось.

– О чем ты вообще говоришь? – еще больше нахмурившись, прошептала я. – Какое еще княжество? Какое замужество?

– А то не знала наш обычай? – хмыкнул он, развернувшись ко мне всем корпусом. – И не ведала, что творишь, когда вставала под мои стрелы? Даже в Каменку сиганула…

Холодный пот выступил на спине. Каменка? Это он так… наше реку назвал?

– Да о чем ты говоришь? Я просто венок хотела подобрать! – мой голос сорвался на чужую, визгливую испуганную ноту.

– Я говорю, что сегодня утром отец раздал нам стрелы. – прошипел этот Троян и снова стал надвигаться на меня. – Трое княжичей пустили стрелы одновременно. Старший и средний пустили стрелы в граде. Но я… отправил все стрелы в реку. И что же? Попал прямо в тебя.

Три сына? Три… стрелы?

Мозг отчаянно пытался сложить эти обрывки в знакомую картину.

Сказка…

Добрая сказка, которую обожала Мира, и которая так не нравилась мне.

Ледяная волна ужаса накатила изнутри. Я машинально оглянулась на реку, из которой он меня вытащил. Кваканье лягушек в зарослях, еще недавно казавшееся просто звуком леса, теперь звучало зловещим, насмешливым хором, доводя до паники.

Нет. Этого не может быть! Кто вообще в старые сказки попадает?! Сердце бешено колотилось, отказываясь верить.

Как я… как я могла вот так влипнуть?!

Глава 3

Это все бред. Просто бред, в который я почему-то начинала верить.

Сгорбившись, я обхватила себя одной рукой, чувствуя, как по коже бегут мурашки не только от холода и чужого любопытства, но и от сгущающихся вокруг теней. Отчаянно хотелось провалиться сквозь землю. Или сигануть обратно в ту реку, из которой меня, к моему же несчастью, уже вытащили.

Луна бледная и неполная, бросала призрачный свет на бревенчатые избы. Их тяжелые, низко нависающие кровли терялись в темноте, а резные наличники и ставни были расписаны красными солнечными кругами и белыми конями, которые в лунном свете казались таинственными и пугающими символами. Воздух густо пах дымом из печных труб, томленой брусникой, влажной землей и еще смолой горящих факелов, воткнутых в землю у ворот. Их трепещущий, неровный свет выхватывал из мрака фигуры людей в длинных, многослойных одеждах свободного кроя. Они двигались неторопливо, их тени плясали на стенах изб, а речь – вроде бы похожая на русскую – была архаичной и густой, тонула в шепоте и потрескивании факелов.

И абсолютно каждый, проходя мимо, так или иначе указывал пальцем в мою сторону, шептался, а этому проклятому Трояну – кланялся и улыбался! А он шел рядом, растрепанный, с мокрыми волосами, с его порванной рубахой, небрежно перекинутой через плечо поверх колчана со стрелами и луком. И чувствовал себя он здесь абсолютно своим, как будто так и надо – вернуться домой полуголым с какой-то странной девкой в непонятной одежде.

На мне была давно промокшая, леденяще холодная футболка и простая льняная юбка, которая теперь, тяжелая от воды, неловко облепила ноги и цеплялась за каждую неровность тропы. Я чувствовала себя нескладной и чужой.

Впереди, в конце самой широкой улицы, вырисовывался высокий, сильно расписной терем с островерхой крышей, подсвеченный целой охапкой факелов. Их свет играл на сложных узорах, делая их живыми и зловещими. Я громко шмыгнула носом, понимая, что видимо, это и есть дворец.

Что ж. Чудно. Просто прекрасно, Яра. Ты не просто влипла в сказку, ты пришла на кастинг главной героини.

– Сын мой! – раздался из-под резного балкона терема властный, низкий голос, который, казалось, вибрировал в ночной тишине.

На деревянные перила оперся мужчина в расшитой золотыми нитями темно-синей одежде. И по коже неосознанно прошелся озноб. Его темные, почти черные глаза, поймавшие отблески пламени, уперлись в меня с такой пронзительностью, что меня аж передернуло. Это видимо, и есть король? То есть… князь. Раз уж сын – княжич.

Площадь перед теремом была освещена трепещущим светом факелов, вбитых в колья, и их дымный, смолистый запах смешивался с вечерней прохладой. Длинные, пляшущие тени отбрасывали на бревенчатые стены изб причудливые искаженные силуэты проходящих рядом людей, которые остановились, стоило нам здесь оказаться.

– Батюшка-князь! – голос Трояна прозвучал громко и четко, разносясь по двору и заглушая стрекот ночных цикад, он слегка склонил корпус в почтительном поклоне, прижав правую руку к обнаженной груди, и свет выхватил из темноты рельеф его мышц. – Боги даровали мне суженую. Моя стрела вдарила ее в руку.

Троян снял с плеча колчан. При свете огня его движения отбрасывали огромные, мелькающие тени. Он с торжественной медлительностью вытащил сломанную стрелу и высоко поднял обломок с окровавленным наконечником.

Я, чувствуя себя пойманным зверьком в свете фар, хмуро перевела взгляд с могучей, подсвеченной огнем фигуры Трояна на его отца. Холод ночного воздуха заставлял меня непроизвольно ежиться.

Боги даровали, говорите? Как бы у этих ваших богов запросить билетик назад, в свой мир?

На прежде хмуром лице князя, освещенном дрожащим пламенем, проступила одобрительная улыбка. Борозды морщин вокруг его глаз углубились.

– Благословляю, Троян! – громко, с хлопком ладоней провозгласил он, и звук этот гулко разнесся по двору. – Слава богам, что уберегли тебя. Вижду, твой выстрел был меткий. Сыны! Учитесь.

Он обернулся к терему, погруженному в глубокую тень. Оттуда, из мрака, выступили двое мужчин, старше Трояна. Свет факелов выхватывал их лица урывками: старший, с аккуратной темной бородой, стоял неподвижно, и казалось, его цепкий, холодный взгляд оценивал мою хрупкую фигурку. Средний же стремительно вышел к свету и свесился с перил балкона. Пламя отразилось в его светлых карих глазах, когда он оглядывал и стрелу, и меня с откровенным, жадным любопытством.

– Троян, аще не хочешь променитись? Даруй мне эту дикую волчицу! – протянул он с нарочитой легкостью, но тут же получил грозный взгляд от отца.

Я вскинулась, но Троян, даже не взглянув на меня, молча двинулся в сторону, заслоняя меня своей спиной от брата и света, погружая меня в такую спасительную темноту.

– Дикарка дана мне богами, – ответил он твердо, – надо уважить их выбор, Миролюб. Батюшка, могу ли я вернуться в свой дом?

– К утру, сын мой, на поклон, – протянул князь, медленно спускаясь по лестнице. – Обычаи предков надобно чтить. Боги указали тебе судьбу.

Он встал перед Трояном и посмотрел поверх плеча сына прямо на меня. Его темные глаза, в которых плясали отражения огня, казалось, видели меня насквозь. Я неосознанно сглотнула, почувствовав, как ледяной холодок прошелся по спине.

– Но волчица еще не есть жена твоя.

Ну, знаешь ли, князь, спасибо и на этом.

Троян лишь молча склонил голову в знак согласия, а затем развернулся ко мне. Этот мужчина не будет спрашивать у меня, чего я хочу. Он видимо и правда решил, что я специально прыгала в реку, чтобы попасть под его стрелу!

Сердце упало в пятки, а в висках застучало: бежать. Бежать отсюда надо, и желательно поскорее, пока эти умники меня и в самом деле не выдали замуж за этого героя сказки! Или хотя бы лягушку ему что ли найти?

Глава 4

– Иди, – тихо проговорил Троян, указав рукой в ту сторону, откуда мы пришли, и сделал очередной почтительный поклон уже отвернувшемуся отцу.

Я, вскинув подбородок, в попытке сохранить остатки достоинства, развернулась и побрела наугад, туда, куда глаза глядели, стараясь не видеть обжигающих взглядов окружающих. Я не собиралась идти туда, куда указал этот Троян, чтобы он там обо мне и себе не думал.

Хотелось бы забыть, как на меня смотрел Миролюб. Его оценивающий, скользящий взгляд заставил кожу покрыться липкой, холодной испариной, будто я прикоснулась к чему-то неприятному.

Рана на плече горела неровным, пульсирующим огнем. Нужно было скорее ее обработать. Но чем?! Здесь нет ни больницы, ни аптеки за углом, ни даже привычной скорой помощи. Здесь не было машин, электричества… Тут и дороги-то нет, Яра, какая, к черту, больница?

Паника накатывала удушающими волнами. Хотелось просто рухнуть на эту утоптанную, холодную землю и рыдать, пока хватит сил. Но слезы не промоют рану, и точно не уменьшат ее боль.

– Ведаешь уже путь ко мне, соглядатая? – с легкой, колкой иронией осведомился Троян, внезапно поравнявшись со мной и подстраивая свой широкий шаг под мои неуверенные шажки.

Я нахмурилась, искоса бросив на него взгляд. Он выглядел так, будто абсолютно все происходящее лишь часть некоего плана, известного лишь ему одному. И это пугало больше всего. Как он мог знать, что приведет себе в жены девушку из другого… мира?

– Я не знаю, где ты живешь, – прошипела я, нервно поглядывая на немногочисленных, но все еще глазевших на нас прохожих, явно навостривших уши. – Мне бы найти путь к себе домой…

– Твой дом отныне мой дом, – невозмутимо протянул он и указал рукой на невзрачный бревенчатый сруб на самой окраине поселения, тонувший в тени более высоких и богатых теремов. – Прими выбор богов.

Я скептически приподняла бровь, разглядывая его жилище. Оно было скромнее, проще, почти аскетичным на фоне других. Почему у сына князя такие убогие апартаменты? Нелюбимый сын? Немилость?

– А ты сам-то его принял? – спросила я, резко повернувшись к нему и встречаясь с его тяжелым, изучающим взглядом.

В глубине его глаз что-то дрогнуло.

– Что-то я не видела на реке твоего ликования по поводу выбора твоих же богов.

Он резко отвернулся, словно задетый за живое, и, не отвечая, быстрыми, уверенными шагами вошел во двор, взбежал по скрипучей деревянной лестнице и распахнул массивную, потрескавшуюся от времени дверь, немым кивком приглашая меня внутрь.

Я с опаской переступила порог, погружаясь в полную, почти осязаемую темноту. За моей спиной с глухим ударом захлопнулась дверь, отрезав меня от внешнего мира. И я тут же почувствовала, как Троян встал вплотную за моей спиной, а его дыхание коснулось моего затылка.

– Я знаю, – прошипел он, наклоняясь так близко, что его губы почти касались моего уха, – это не выбор богов, а твой выбор. Ты сама восплачешь, что избрала меня.

– А вот тут ты ошибаешься, – тихо, но четко проговорила я, оборачиваясь к нему. – Я уже жалею и готова плакать. Так что покажи, где тут у вас молятся? Надо уточнить у богов, есть ли шанс поменять мужа.

– Пока… – я почувствовала, как на его губах заиграла улыбка, – не муж.

– Надеюсь, так оно и останется, – прошипела я, стараясь подавить предательскую дрожь в коленях. – А теперь не соизволишь ли ты дать мне чистой воды? Надо промыть рану, пока я не потеряла руку совсем.

– Ты знахарка, соглядатая? – поинтересовался он, наконец отходя на шаг, и я смогла выдохнуть с облегчением.

– А ты позовешь ко мне знахарку, если нет? – парировала я и мой голос прозвучал громче, чем хотелось, выдавая скрытую надежду.

В ответ я услышала сначала лишь звук его мерных и тяжелых шагов, он отходил от меня все дальше, и я стала озираться. Но что можно было рассмотреть в такой кромешной тьме?

– Нет, – его голос прозвучал справа, – я излечу тебя сам.

От этих слов пробежал холодок. Будто я для него самая настоящая вещь… Или трофей.

– Я больше доверяю профессионалам в своей области. – пробормотала я, отворачиваясь и сжимая здоровой рукой талию, в попытке успокоиться.

– Что?

Глоток воздуха, пахнущего дымом и кожей, совсем не успокаивал, а еще больше нервировал.

– Знахарям, – сказала я громче, сквозь зубы, надеясь, что шум резкого ветра за стенами дома поглотили мои предыдущие слова. – Говорю, знахарям больше верю. У них руки чище, да и… травы тоже.

Последние слова я говорила почти шепотом, уже сожалея что вообще завела этот разговор. Но отступать было уже поздно. Откажет, сама найду выход, пусть только уснет.

– Тебе надлежит верить воеводе, – в глубине комнаты внезапно зажглось маленькое, жадное пламя в глиняной масляной лампадке.

Ее крошечный свет был так слаб, что в моем мире такие и за свечу бы не считали. Он озарил скупое, почти нищенское убранство: грубый стол, два табурета, мощную печь с кадками рядом с ней и несколько скамей вдоль стен. Воздух густо пах дымом, сушеным можжевельником и чем-то еще – медью, кожей и мужчиной.

– Мне тоже придется поверить тебе, оставив спать в своем доме.

Я медленно обвела взглядом комнату, задерживаясь на трех колчанах и трех луках, висевших на стене, а потом на неубранном мече, лежавшем на скамье рядом со мной. Острое, холодное лезвие тускло блеснуло в свете лампады.

Сглотнув ком в горле, я повернулась к Трояну. Сейчас еще больше всплыли в голове его вопросы про другие земли. Он подозревает, что я шпионка? А сам он… не просто княжич. Он воевода…

Да как же мне повезло так попасть в эту реку?!

Глава 5

– Воевода? – тихо переспросила я, все еще надеясь на хоть какое-то чудо и удачу.

– Аль не знала? – проговорил Троян, выставляя лампадку на центр стола и посмотрев на меня.

Если бы я знала, моей ноги бы ни тут, ни на той поездке бы не было. Но как объяснить это все этому упрямому коню?

– Да откуда бы…

– А ты не дикая, – перебил он меня, снимая колчан со стрелами с плеча и отставляя его рядом с мечом. – а хитрая волчица.

– Да, почему все время волчица? – проворчала я недовольно, уставая от дарованных им прозвищ.

– В твоих землях иначе зовут чужих? – поинтересовался он, обернувшись ко мне. – К тому же… ты невеста не из наших земель. Как тебя еще назвать?

Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Невеста, как же! Он, что правда поведет девушку к алтарю, только потому что стрелой в нее попал?

Неужели не захочет отказаться, потому что не может ей доверять? Хорошенькая такая жизнь супружеская его ждет в таком случае. Главное, чтобы не со мной она его ждала!

– Яра, – проговорила я неожиданно даже для себя. – Мое имя Яра, и ты можешь называть меня именно так.

Он замер и нахмурился, оглядывая меня с прищуром с ног до головы. И в этом взгляде, скользнувшем по моей мокрой одежде и бледному лицу, отчетливо было видно недоверие. Будто он не верил, что я говорю правду.

– Яра? – протянув, почти пропел он, делая шаг ко мне.

– Да, – кивнула я осторожно, не сводя взгляда от его синих глаз.

Он протянул ко мне руку, и я нахмурилась, смотря на раскрытую ладонь – широкую, покрытую сетью белесых шрамов и свежих ссадин. Не понимая, чего именно он от меня ждал, я подняла взгляд снова на его лицо.

– Подойди ближе, Яра, – проговорил он, – рану и впрямь следует излечить.

– Разве это в твоих интересах? – проворчала я, но все же сделала неуверенный шаг к нему.

Он не ответил, осторожно касаясь узла на ране и медленно его разворачивая. По коже прошелся озноб, но ткань еще не успела окончательно высохнуть и пристать к коже.

– Я не желаю тебе худа, – прошептал он, разворачивая меня к лампе так, чтобы лучше видеть рану в тусклом свете.

Верилось в это с трудом, но я промолчала, закусив губу. Чтобы он там сейчас не говорил, вряд ли его представление о худе будет похоже на мое. Одно то, что я оказалась здесь, да еще и с такими обстоятельствами уже было ужасным.

Троян отошел от меня к печи, набирая в глиняный кувшин воды из стоящей рядом кадки. Прикрыв глаза, я тяжело выдохнула. Видимо, выбора у меня и правда не было. Кто еще здесь мог меня лечить? Люди, которых мы встречали по дороге, смотрели на меня с еще большим недоверием и любопытством, чем Троян. Я не могла быть уверена, что они были бы дружелюбны и участливы, подойдя я к ним и попросив о помощи.

Он вернулся ко мне и молча кивнул в сторону стула за столом.

Хотелось спорить, спрашивать зачем ему все усложнять, но пульсирующая боль была сильнее всех мыслей и гордости. И я смиренно уселась на стул.

Выставив рядом со мной на пол низкую неровную чашу, Троян поднял на меня взгляд снизу вверх. Протянув ко мне руку и осторожно касаясь моей ладони, он провел пальцами до локтя, обхватывая больную руку будто пытаясь сделать так, чтобы я не вырвалась в случае чего.

Второй же рукой он, резко подняв кувшин, выливая всю воду прямо в рану. В нос успел ударить резкий травяной запах прежде, чем я закричала. Попытавшись дернуться всем телом подальше от него, я лишь столкнулась с неудачей. Он держал крепко и не собирался меня щадить.

– Скоро будет легче, – услышала я его шепот, сквозь звон в ушах.

Ослепленная болью, я инстинктивно подняла ногу и изо всех сил пнула его в плечо. Он даже не покачнулся, даже не дрогнул по-настоящему, словно был чертовой скалой!

Чем пичкали этих воевод здесь? Что мне нужно такого съесть, чтобы потом суметь защищаться?

– Терпи, волчица. Ты же сильна, не так ли?

На глаза выступили слезы, но я с яростью их вытерла тыльной стороной ладони.

– Ты еще увидишь, насколько я сильна, воевода. – прошипела я, стоило ему разжать пальцы и отпустить мою руку.

Наклонившись к его лицу так близко, что смогла ощутила его теплый выдох, я с ледяной ненавистью поинтересовалась:

– Может, твои боги послали меня к тебе, чтобы однажды я тоже выстрелила тебе в руку и так же полечила?

– Буду ждать, – его дольная ухмылка только еще больше меня разозлила.

Ух, ты определенно заслуживал лягушку себе в жены!

Глава 6

Троян спокойно отвернулся от меня, сделав несколько шагов к дальней, ничем не примечательной стене, сложенной из таких же темных, потрескавшихся от времени бревен. Он уперся ладонью в одну из балок. С глухим скрипом стена поддалась и отъехала, открывая узкий, темный проход в другое помещение.

Сердце у меня на мгновение замерло. Он что… только что показал мне потайной вход? Мысль пронеслась вихрем, сталкиваясь с обрывками школьных знаний. Откуда в это время, в таких, казалось бы, примитивных срубах могли быть тайные ходы и механизмы? Сглотнув ком внезапно подступившего страха и любопытства, я снова стала озираться, теперь уже вглядываясь в каждую щель, каждую тень в комнате с придирчивостью.

Если так подумать, что могло бы указать мне на время, в которое я попала? Лук и стрелы? Стрела, которой он меня ранил, была без металлического наконечника, просто заостренное и обожженное дерево… но вдруг это какие-то особые, ритуальные стрелы? Троян же сказал, что отец выдал их утром, по их традиции.

Меч? Я бросила взгляд на клинок, лежавший на скамье. Он был явно железный, выполненный довольно искусно, даже рукоятка была обмотана кожей и имела вырезанные узоры на дереве, похожие на сплетающиеся корни…

Но вот могу ли я припомнить хоть одну реальную историческую традицию с таким вот поиском невест? Если не считать самой сказки?

– Ты больно спокойна, – услышала я рядом низкий шепот Трояна и вздрогнула, отпрянув.

Когда он уже успел вернуться? Он двигался слишком бесшумно.

Посмотрев на все еще зияющий темным провалом проход, из которого он появился словно призрак, я нахмурилась. Правда ли он решил мне довериться, показав это, или просто решил проверить, что я сделаю, оставшись наедине с такой тайной?

– Ты правда примешь меня, как невесту? – осторожно, вполголоса спросила я, вглядываясь в его непроницаемое лицо, – Вдруг помимо меня в той реке были еще девушки… или не совсем девушки? Может, твоя стрела пролетела мимо них или ты их просто не заметил?

Троян лишь устало хмыкнул, расстилая на столе несколько длинных, белоснежных и на удивление тонких лоскутов, похожих на грубый лен. Прямо как стерильные бинты. Мой взгляд зацепился за маленькую деревянную баночку с замысловатой резьбой, которую он тоже поставил на стол. Нахмурившись, я вопросительно глянула на мужчину. Если он снова сделает мне больно своим лечением… Я точно ручаться за себя не стану.

– Я шел к реке, ибо там не было людей, – проговорил он, открывая баночку и зачерпывая пальцами густую темно-зеленую пахучую жижу, прежде чем повернуться ко мне, – И ушел аще бы не увидь, как ты мельтешила руками и ногами в воде, хотя была не на глубине.

Не была? Да он что, смеется надо мной? Там же подо мной была бездонная, темная пустота, я не чувствовала дна… Я вздрогнула, почувствовав леденящий холод его пальцев и мази на коже возле раны. Но острой боли, к удивлению, не последовало, даже наоборот, мазь будто остужала боль. Я хмуро закусила губу, терпеливо дожидаясь конца этой странной процедуры.

– Ты не хотел жениться, – прошептала я, подняв взгляд на его лицо и стараясь не упустить малейшую реакцию в его глазах. – Но почему? Разве ты не должен беспрекословно исполнять приказы отца?

Он молча, с неожиданной аккуратностью обильно смазал мазью кожу вокруг раны, от которой так и разило чистотелом и календулой. И, не вытирая липкие пальцы, легко ухватился за льняной лоскут и начал плотно, виток за витком, обматывать им мою руку.

– Это не наказ, а традиция, – проговорил он наконец, оторвав взгляд от перевязки и посмотрев мне прямо в глаза. – Даже боги дают нам выбор. Мы можем стрелять туда, где живет та, что на сердце. Или же выстрелить так, что никого не приведем в отчий дом… А порой люди пытаются обмануть самих богов. Потому ты пока и не жена. Князь проверит каждую невесту, пришла ли она как суженая по воле богов или же она обманщица, польстившаяся на княжеский титул.

Я насторожилась, вжимаясь в спинку стула. Троян говорил слишком уж уверенно и твердо, без тени сомнения. Будто это не легенда, а обыденная практика, которую он сам не раз наблюдал. Что, если такая традиция уже была и на его глазах кого-то разоблачили? И ему самому до сих пор удавалось избежать женитьбы? Выглядел он отнюдь не мальчишкой, и те его братья… им тоже было уже явно под тридцать, если не больше.

– А если суженые не пройдет эту проверку? – прошептала я, боясь говорить громче, будто сами стены могли подслушать.

– Боишься? – коротко хмыкнул Троян, завязывая тугой узел на моей руке, – Твои боги, коли сильны, могут попытаться спасти тебя. Иначе тебя будет ждать здесь только смерть.

Он мотнул головой в сторону лежащего на скамье меча. Лезвие тускло блеснуло в свете лампады.

– Не будь стрелы в твоей руке, я бы уже забрал твою жизнь этим мечом, – без всякой злобы, констатируя факт, произнес он, затем отошел к темному проему и кивнул вглубь. – Идем. Сегодня ты будешь спать тут. Боле никаких разговоров.

Я хмуро покосилась на зловещий клинок, но покорно поднялась. Пока он в таком расположении духа, спорить было себе дороже. Буду задавать лишние вопросы, еще, чего доброго, спровоцирую его на «исполнение долга».

Пройдя за ним в следующую комнату, я нахмурилась. Она была не такой уж и потаенной. Из небольшого окошка в стене лился тусклый, серебристый свет луны, освещая скромное убранство. Значит, это и не потайная комната вовсе?

За моей спиной раздался мягкий шорох и скрип – он задвинул проход обратно.

Чудесно. А сухую одежду он мне давать не собирается? Стоило только мысленно разозлиться и пробубнить еле слышно все, что я думаю об этом нерадивом коне, как мой взгляд упал на массивный деревянный сундук у самого окна.

На его резной крышке аккуратно лежала сложенная грубая мужская рубаха из небеленого льна и темные штаны, а сверху был кинут длинный красный пояс с геометрической вышивкой.

Ладно. Надо отдать ему должное, он хоть это предусмотрел. Хотя мог бы и указать, мол, вот, невестушка, пока жива, можешь в моей одежде расхаживать.

Кивнув самой себе в оправдание, я подошла к простой деревянной кровати, устроенной прямо у стены и застеленной овчиной.

Мда, потайная комната оказалась просто его спальней. Стягивая с себя мокрую, неприятно липнущую к телу одежду, я осторожно нарядилась в выданное им сокровище. Рубаха висела на мне мешком, а штаны пришлось подворачивать в несколько раз.

Какие там были проверки от царя в той сказке? Ковер за ночь соткать?

Тикать отсюда надо, и желательно до утра!

Взглянув на окно, достаточно широкое, чтобы в него можно было протиснуться, я сама себе утвердительно кивнула. Одежда сухая есть, окно тоже, лунная ночь на дворе. Чем тебе не идеальный план побега, а, Яра?

Глава 7

Время текло медленно. Бесконечно долго и ужасно раздражающе. Больше всего злила полная невозможность определить, сколько именно его прошло – минута или же час. Без часов, без привычных ночных звуков города, лишь далекий, непривычный вой какого-то зверя где-то в лесу. Лежа на жесткой овчине, пахнущей овечьей шерстью и дымом, я с широко раскрытыми глазами смотрела в потолок из темных, грубо отесанных балок, прислушиваясь к каждому шороху, доносящемуся из-за тайной стены.

Но Троян был слишком тих. Не слышно было ни скрипа половиц, ни тяжелого дыхания – ничего. А я не могла быть уверена, что он точно уже спит, а не притаился в темноте, слушая меня так же, как я его.

Не выдержав, я осторожно, крадучись, как мышь, подошла к окошку и выглянула наружу. Лунный свет, холодный и обманчиво яркий, заливал задний двор, выхватывая из мрака покосившийся заборчик. Через такой можно было легко перешагнуть, даже не задев его. А дальше бежать. Главное, добежать до темной, безмолвной стены леса, что чернела в отдалении.

Может… попробовать снова прыгнуть в реку? Вдруг ее воды перенесут меня обратно, как принесли сюда? Мысль казалась безумной, но я ведь попала сюда именно так. Чем черт не шутит.

В последний раз оглянувшись на неподвижную стену-дверь, я затянула туже красный вышитый пояс на льняной рубахе, надеясь, что в прыжке не потеряю эти мешковатые мужские порты. В последний раз выглянув из окна и присев на грубое, холодное бревно подоконника, я глубоко вдохнула ночной воздух, пахнущий полынью и сыростью, и прыгнула вниз.

Земля встретила меня неожиданно твердо и жестко, отдавая болью в незащищенные тонкой подошвой ступни и в колени. Я болезненно прикусила губу, чтобы не вскрикнуть, и оглянулась на темный квадрат окна, затаив дыхание и вслушиваясь в тишину.

Вроде не услышал.

Больше ждать я была не намерена. Собравшись с духом, я рванула с места к ограде что есть сил. Перепрыгнула через низкий забор с неожиданной легкостью, подпитанная чистым адреналином. Но не пробежав и половины пути к спасительной темноте леса, услышала короткий свист, стрела, пролетев в паре сантиметров от моего плеча, вонзилась в землю, взметнув фонтанчиком черную землю.

Что за?!

Я инстинктивно пригнулась, сердце колотилось где-то в горле. Следующая стрела со зловещим шелестом промелькнула уже возле самой ноги, цепляя штанину, и я в ужасе рухнула на землю, пытаясь стать меньше.

– Волчица, куда ты собралась? – услышала я знакомый голос, и по коже моментально пробежались ледяные мурашки.

Миролюб?

Что он здесь забыл в такой час?!

Посмотрев в сторону темного, молчаливого дома Трояна, я сглотнула ком страха. Пусть он и был один, но у него был лук и полный колчан стрел. А у меня? Пустые руки и льняная рубаха, в которой я утопаю.

С отчаянной, почти истеричной надеждой я пошарила рукой по траве, но пальцы не нашли даже подходящего для броска крохотного камушка. Я отползла чуть дальше от мужчины, пока он оглядывался на дом брата, и вновь взглянула на лес. Смогу ли я добежать, пока он не натянул тетиву? Или лучше дождаться, чтобы он подошел вплотную, и попытаться ударить, прикинувшись напуганной дурочкой?

– Аль не люб тебе мой брат? – протянул Миролюб, делая плавный, неспешный шаг ко мне, как хищник, играющий с добычей. – Иди со мной. Не обижу…

Нахмурившись, я скользнула взглядом по его белоснежной, почти сияющей в лунном свете рубахе. Даже на вид она была сшита из более мягкого, тонкого полотна, чем грубый лен Трояна. Богатая вышивка красными и синими нитями украшала не только ворот, но и широкие рукава, видимо вязь с оберегом. А пояс… пояс был настоящим произведением искусства из узорчатой кожи с серебряными бляхами.

Привык получать все самое лучшее. Без всяких усилий. И девушек, видимо, тоже.

Улучив момент, я зачерпнула рукой горсть холодной земли, крепко сжала ее в кулаке и привстала, делая вид, что отряхиваюсь и привожу себя в порядок.

– А я и не обижусь, – проговорила я, заставляя свои губы растянуться в подобии улыбки, и даже кокетливо взглянула на него из-под опущенных ресниц. – Разве… на такого мужчину можно обижаться?

Он самодовольно хмыкнул, убирая лук за спину, а мне только этого и надо было. Давай, реши, что я совсем безобидная дурочка, сделай еще шаг. Подойди так близко, что мой бросок в твое самодовольное лицо будет оправдан, пока я буду пытаться добежать до леса.

– Так иди же ко мне, – протянул он руку с ухмылкой, и я сделала шаг ему навстречу, улыбаясь еще шире, а в следующее мгновение рванула рукой и швырнула ему прямо в лицо комья земли и травы.

Но не тут-то было. Он с рефлексами кошки резко отвернулся, прикрыв лицо, и в его руке мгновенно возник длинный, изогнутый нож. Я успела лишь развернуться, в отчаянной попытке сбежать, как он уже настиг меня, повалив на землю лицом вниз. Я почувствовала, как холодное лезвие со свистом разрезало ткань рубахи на спине, но не успело впиться в кожу.

Сверху на нас обрушилась тень с низким, яростным рыком. Кто-то с силой стащил с меня Миролюба. Приподнявшись на локтях, я с ужасом наблюдала, как над мужчиной навис разъяренный Троян.

На скуле Миролюба уже красовался свежий синяк, а его белоснежная рубаха была в грязи и порвана у плеча. Клинок уже был в руке Трояна и блестел в свете луны у самого горла брата. Но Миролюб, запрокинув голову, лишь ухмылялся, как ни в чем не бывало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.